

Стефана Димитрова

ИСКЛЮЧЕНИЯ, ЯВЛЯЮЩИЕСЯ РЕЗУЛЬТАТОМ КОЛЕБАНИЙ В РАЗНЫХ ЗОНАХ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ РУССКОГО ПРЕДЛО- ЖЕНИЯ И ТЕКСТА

Семантика является наиболее подвижным компонентом языковой системы. В сфере семантики постоянно происходят сдвиги, изменения, активное взаимодействие, а последствия этих процессов охватывают и другие уровни языковой архитектуры и принимают разнообразные формы. Таковыми являются, например, двусмысленность, семантическая избыточность, разные проявления семантической опустошенности, семантическая недостаточность и т. д. Все эти явления в той или иной степени представлены во всех языках мира, но каждое из них имеет свои специфические национальные измерения.

Двусмысленность

Одним из последствий семантических процессов, отражающих специфику русского языка, является возникновение типично русских двусмысленных предложений. Как известно, в идеальной системе-конструкте не предполагается двусмысленности. Каждое образование имеет свое однозначное прочтение и для этого существует строгая индикация. В естественных языках положение обстоит совсем по-другому. Полисемантность лексем и их комбинаций является главным и постоянным источником для возникновения двусмысленных формаций. Их количество находится в прямой зависимости от репертуара языковых средств данного языка.

В русском языке двусмысленные предложения возникают при употреблении глагола *быть* в прошедшем времени. Например, предложение *У него была жена* может иметь разные пресуппозитивные основы. Если глагол тут знаменательный, предложение может иметь прочтение "А теперь нет (овдовел, развелся)". Этому предложению противостоит в настоящем времени предложение *У него есть жена*. Если же глагол употреблен как вспомогательный, как конструктивная связка, предложение связано только с экзистенциальной пресуппозицией о существовании упомянутой жены. Этому предложению противостоит в настоящем времени предложение *У него жена*. Это один из случаев наиболее трудно выявляемой двусмысленности, особенно на письме. В речи знаменательный глагол *быть* интонационно выделяется: *Может быть, этого всего и не было? Нет, было все же! Безусловно, была осень и падали листья* (Ю. Олещя); *Был ли мальчик? А может мальчика-то и не было?* (М. Горький). В контекстах типа

выше приведенных, содержащих вопрос, связанный с выяснением наличия/отсутствия чего-либо, глагол **быть** выступает как знаменательный. Неразличение служебного и знаменательного употребления глагола **быть** может иметь место и в конструкциях с будущим временем; например, в изоляции трудно определить значение глагола **быть** в предложении *Город будет построен быстро и качественно*. При знаменательном употреблении глагола форма **будет** может содержать сему "полемичность" ("Не думай, что не будет!"). При служебном употреблении форма **будет** является только элементом языковой техники, способом переноса действия в будущую перспективу. Двусмысленности не возникает обычно только в случаях, когда глагол **быть** употребляется не в составном сказуемом. Его самостоятельное появление можно признать индикацией знаменательности. Глагол **быть** в условном наклонении в аналогичных случаях также конституирует двусмысленные предложения: *Было бы куда пойти!* Знаменательный глагол **быть** находится всегда в рематической части предложения, а вспомогательный — в тематической. В зависимости от характера глагола одни и те же актанты предложения могут выступать либо в составе темы, либо в составе ремы. При знаменательном глаголе ремой является **было бы**, при вспомогательном **куда пойти**. Актуальное членение предложения в письменной речи выясняется из контекста, в устной — из контекста и из интонационного контура предложения.

Четкие семантические конструкции русского языка имеют, как правило, недвусмысленное прочтение. Примером таких конструкций являются образования с частицей **ли**. При отрицательных глаголах вопросительные предложения, содержащие частицу **ли**, осложнены добавочными значениями неуверенного предположения: *Кто-то постучал в окно, милый мой, не ты ли?* (Здесь парцеллят *не ты ли?* можно рассматривать как фрагмент двусоставного простого предложения *Не ты ли постучал?* или *Не ты ли это был?*) или совета, просьбы: *Не можете ли вы сказать, когда мне к нему подъехать? Не позвонить ли мне [вам/ей] ... ему перед тем, как ехать?* Русский неосложненный вопрос в отрицательном варианте строится без частицы **ли**: *Не видел моего брата? Книгу ты все еще не вернул? Газет не читаешь?* Но наряду с этими формациями, хотя и редко, все же употребляются формы с **ли**, в которых нет никаких осложненных значений, а содержится простой вопрос. Как правило, это формы, сохранившиеся под влиянием нормы XIX века, согласно которой частица **ли** могла присутствовать во всех типах вопросительных предложений: *Аль откажешь мне в ответе — не видал ли где на свете ты царевны молодой?* (А. Пушкин). Употребление таких конструкций для выражения неосложненного вопроса в современном языке может вызвать двусмысленное прочтение, если контекст окажется недостаточным для выяснения характера вопроса. Предложение *Не заметил ли ты какие-нибудь странности в его поведении?* может выражать как простой вопрос, так и вопрос, осложненный предположением, что слушающий должен дать положительный ответ на этот вопрос. Эта двусмысленность прочтения таких предложений с точки зрения коммуникации является

нежелательной, так как она может иметь результатом частичное непонимание в речевом акте. С точки зрения структуры языка она свидетельствует о том, что процесс десемантизации частицы *ли* в рассмотренных конструкциях нельзя считать абсолютно завершенным и можно говорить пока еще только о тенденции к утрате вопросительной частицы в данной синтаксической позиции. Поскольку данные убедительно показывают, что эта тенденция проявляется непротиворечиво, можно утверждать, что двусмысленные негативные вопросительные предложения с частицей *ли* все больше и больше приближаются к исключениям в русском языке.

Семантическая избыточность

Прямой противоположностью двусмысленности является семантическая избыточность. Если двусмысленность характеризуется тем, что одна и та же формация может иметь различные прочтения, то избыточность предполагает закрепление одной содержательной структуры за несколькими языковыми образованиями. Избыточность — это один из первых симптомов асистемности в языке. В связи с избыточностью возникает очень много вопросов: Как проявляется избыточность? Что считать избыточным? И еще целый ряд других. По-видимому, избыточным можно считать то, что связано с абсолютной синонимией, с тавтологическими образованиями в языке. Но существует ли абсолютная синонимия? Большинство лингвистов склонны думать, что это фикция. Совпадение денотативного значения двух лексем еще не является доказательством их синонимичности, ведь они могут употребляться в неодинаковых контекстах. О близости или совпадении содержательных структур предложений мы все еще судим весьма субъективно. Поэтому вполне прав У. Чейф, утверждая, что лингвисты расходятся в семантической интерпретации предложений типа *Дорога расширилась; Дорога стала шире; Дорога сделалась шире*. Одни лингвисты считают их абсолютными синонимами, другие видят за ними совершенно разные содержательные структуры, а третьи признают за ними незначительные семантические расхождения, которыми можно пренебречь¹. В своем научном творчестве В. А. Звегинцев неоднократно подчеркивал, что прежде языковеды восхищались возможностями языка и любили его интимной любовью, а теперь стали ругать его за избыточность². Поэтому возникает вопрос: А существует ли на самом деле эта абсолютная избыточность? Не с точки зрения машинного перевода, не с точки зрения составления кратких записей и компрессии текста, а с точки зрения говорящей личности. Поэтому с точки зрения информативной насыщенности такие предложения, как *Я сегодня хорошо /по/работал* и *Работа у меня сегодня /по/шла хорошо*, а также *Мне сегодня хорошо работалось* мало чем отличаются друг от друга. Но с точки зрения говорящей личности каждое из них подчинено отдельной коммуникативной цели и этого не нужно доказывать.

Вопрос об избыточности безличных предложений, дублирующих личные, является очень серьезным. Количество этих предложений возрастает в современ-

ном языке лавинообразно, тенденция к расширению их сферы не раз уже отмечалась в литературе³. И тем не менее, существуют ситуации, когда минимальные различия между языковыми формациями не совсем релевантны, когда ими на самом деле можно пренебречь. Тогда формации, принимаемые в качестве синонимичных, становятся взаимозаменяемыми, а взаимозаменяемость сама по себе уже является индикатором избыточности. Точнее, одним из ее проявлений. Другим проявлением избыточности является наличие факультативных лексем в предложениях. Вряд ли случайные факультативные лексемы являются просто лишними с семантической точки зрения. Так например, в русских предложениях с прилагательными, распространяющими подлежащее или входящими в состав сказуемого, глаголы довольно часто лишены самостоятельной информации и в результате этого могут быть пропущены — они оцениваются говорящим и слушающим как семантически избыточные. Поэтому предложения с ними соотносительны с безглагольными формациями: *Горы стоят высокие — Горы высокие; Море лежит безбрежное — Море безбрежное; Денег лежит у него на книжке огромное количество — Денег у него на книжке огромное количество*. Рассмотренные случаи показывают, что факультативные лексемы в данных образованиях можно признавать частично семантически опустошенными. Тот нюанс, который они привносят в содержательную структуру предложений, не имеет большой самостоятельной информативной стоимости. Наряду с этими случаями в русском языке можно обнаружить предложения, в которых наблюдается полная семантическая опустошенность одного из компонентов.

Полная семантическая опустошенность одного из компонентов предложения

В современной лингвистике широко известна идея о том, что значение предложения не является суммой значений отдельных его компонентов. Но все же в нашем представлении (и это соответствует реальному положению вещей) каждый компонент привносит определенную сему или пучок сем в семантическую структуру предложения. Считается, что в принципе в предложении нет семантически ненужных, абсолютно опустошенных компонентов. Тем не менее, даже из этого, казалось бы совершенно бесспорного положения, есть некоторые исключения. В некоторых устаревших уже или устаревающих на глазах конструкциях, а также в просторечных формациях с глаголами *привыкать* и *занимать* (обычно в негативной форме) может присутствовать глагол *стать* в инфинитиве просто как компонент фразеологизированного оборота, как элемент языковой техники, лишенный всякого дополнительного значения: *Ему к капризам мамы не привыкать стать; Невестке-то вашей наглости не занимать стать*. В словаре В. И. Даля приведена старая поговорка, в которой аналогичная фразеологизированная конструкция образуется на базе глагола *перепонмаривать*: *Старого пономаря не перепонмаривать стать*⁴.

Такая трактовка вопроса о полной семантической опустошенности одного из компонентов рассмотренных предложений предлагается в ряде описаний русс-

кого языка, в том числе в Русской грамматике — 80⁵. Она вызывает некоторые сомнения в связи с утверждением, что это *полная* десемантизация. Дело в том, что восприятие этих предложений, как и всех прочих предложений языка, зависит и от индивидуальных особенностей языковой личности, являющейся адресатом текста. Автору представляется, что в лексеме *стать* в какой-то степени сохраняется память о семе "резкая перемена состояния", "начало нового действия". Рассмотренные безличные предложения генетически связаны с личными предложениями типа *Я не стану его книги читать*, которые семантически отличаются от предложений типа *Я не буду читать его книги*. В первом типе присутствует сема резкой перемены, перехода в новое качественное состояние ("раньше никогда не читал его книги, а теперь вдруг начну их читать"). Наличие семы "резкая перемена", "переход в новое качество", как правило, обнаруживается в предложениях личных. И носителем ее является личная форма глагола, не инфинитив. Поэтому следует признать, что безличные предложения, содержащие конструкцию "не + инфинитив основного глагола + *стать*" действительно очень редки и сема резкой перемены состояния ассоциируется с ними в сознании говорящих не так бесспорно, как это имеет место в предложениях личных. Это обстоятельство дает основания говорить о полной десемантизации глагола *стать* в рассмотренных предложениях, но все же за словом "полная" скрывается некоторая условность.

Частичная семантическая опустошенность одного из компонентов предложения

Полная десемантизация слова является редчайшим исключением и не отражает существенных тенденций эволюции современного русского языка. Но наряду с ней наблюдается частичная десемантизация, которая распространена значительно шире и ведет себя активнее. В этом плане интересна частичная десемантизация глагольного слова в некоторых типах предложений или даже в некоторых конструкциях, конституирующих предложения разного типа.

Глаголы в конструкции "как + глагол прошедшего времени после обстоятельства времени" (*Мария Николаевна уже два года как умерла*) частично десемантизируются. Они утрачивают признак действия и приобретают новые семы, главным образом семы различных качественных состояний или обстоятельственных значений. Предложение *Он уже девять лет как уехал* приблизительно означает "Девять лет его уже здесь нет"; предложение *Они уже семь лет как поженились* приблизительно совпадает с предложением "Они уже семь лет женаты". Десемантизация глаголов в описанной дистрибуции, хотя и частичная, приводит в значительной степени к утрате ими в предложении свойства предикативности.

Процессы десемантизации охватывают многие классы слов, обслуживают семантическую зону негации. Тут имеются в виду прежде всего отрицательные местоимения и частицы. Русские отрицательные местоимения имеют очень ярко

выраженную сему негативности, так как отрицательная частица в них расположена в препозиции: *никакой, ничей, некого* и т. д. Существуют, однако, изолированные случаи употребления отрицательных местоимений в неместоименных, переносных значениях, когда отрицательная частица теряет свой семантический заряд, а само отрицательное местоимение превращается в синоним какого-нибудь имени или целого выражения: *Он мне никто* ("чужой", "не родственник"); *Певец он никакой* ("плохой", "бездарный"); *Эта собачка ничья* ("бездомная", "бродячая", "без хозяина").

Отрицательная частица *ни* склонна частично или полностью десемантизироваться в идиомах, о чем свидетельствует употребление идиом, конститuentом которых она является, в позитивных предложениях: *Пропасть ни за грош* ("просто так", "без видимой причины").

Не требует особых доказательств то обстоятельство, что процессы десемантизации легче охватывают лексемы, отличающиеся относительно простой организацией своей содержательной структуры. В случаях, когда содержательная структура лексемы является поликомпонентной, тотальная десемантизация в принципе невозможна, возможна только утрата определенного набора сем, в результате чего происходит сужение лексического значения слова. При сужении лексического значения слова наступает как бы некоторая семантическая недостаточность по сравнению с его значениями на более ранних этапах эволюции языка. Семантическая недостаточность имеет разные формы и проявления. Она может быть абсолютной, если ее измерить в вертикальном направлении, диахронически, и относительной, горизонтальной, если она проявляется только в определенных дистрибуциях на одном синхронном срезе.

Контекстуально обусловленная семантическая недостаточность существительного

Контекстуально обусловленная семантическая недостаточность является ярчайшим проявлением недостаточности относительной, горизонтальной. Трудно предвидеть, а тем более трудно перечислить все случаи, когда существительное может приобрести некую семантическую недостаточность, обусловленную контекстуально. Реально каждое существительное в определенном контексте может оказаться в таком положении. Но в общей массе русских существительных есть изолированное множество, члены которого, оказавшись в сложном предложении, обязательно нуждаются в восполнении. Это множество распадается на три подмножества: а) слова со значением класса: *род, вид, тип, разряд, класс, множество, континуум* и нек. др.; б) слова, обозначающие внешний признак: *голос, лицо, рост, внешность, наружность* и нек. др.; в) слова обобщающего значения, относящиеся как к живой, так и к неживой природе, обозначающие преимущественно видовые понятия, к которым любой носитель языка может подобрать множество родовых понятий: *человек, мужчина, женщина, ребенок, ситуация, эпизод, обстоятельство, состояние, факт, дело,*

чувство, мнение, убеждение, ощущение и нек. др. Например: *Это животное принадлежит к разряду, которым мы занимались вчера; Снова заговорили о его росте, которому не переставали удивляться даже близкие знакомые; Мы требуем от вас фактов, только фактов, которые смогли бы убедить нас в вашей правоте.* Естественно, возможно употребить предложение *Снова заговорили о его росте* или *Мы требуем от вас фактов*, но то восполнение, которое было показано выше или подобное ему все равно не утрачивается, а уходит в пресуппозитивную базу предложения.

Необходимость в семантическом восполнении может проявляться не только в рамках сложных предложений, но и в обычных глагольных словосочетаниях. По-русски нельзя сказать **писать почерком*, возможно только *писать красивым, каллиграфическим, плохим, неразборчивым... почерком*; нельзя сказать **петь голосом*, возможно только *петь низким, высоким, приятным, поставленным... голосом*. Описанный тип недостаточности считается контекстуально обусловленным, поскольку в других дистрибуциях те же самые лексемы не нуждаются в семантическом восполнении. Ср.: *Почерк ваш оставляет желать лучшего; Помню его и все связанное с ним — голос, походку, улыбку, даже почерк.*

Все описанные случаи связаны с поведением формы одного слова в разных контекстах. Но в русском языке наблюдаются случаи, когда в разных контекстах употребляются формы двух генетически связанных слов в одном значении. Такое явление не отличается частотностью, оно встречается редко (чаще всего в классе глаголов) и пополняет список семантических исключений.

Регламентированное употребление глаголов с возвратной частицей *-ся* и без нее в однотипных позициях

Употребление глаголов в возвратном и невозвратном варианте без строгой внешней дифференциации позиций (как, например, в активных и пассивных конструкциях: *Режиссер просматривает картину вновь и вновь — Картина вновь и вновь просматривается режиссером*), является исключением. Исключением является, например, употребление глагола *лечь/-ся/* с и без возвратной частицы в аналогичных ситуациях, с подлежащими, очень близкими по значению: *вода льется, но дождь льет (как из ведра)*. Возвратная частица в данном примере в значительной степени десемантизируется, она, как любил говорить В.В.Виноградов, семантически опустошена⁶.

Возвратная частица, присоединяясь к глаголам одного семантического класса, может придавать им различные значения. Глаголы чувственного восприятия с частицей *-ся* могут иметь значение, близкое к значению форм без нее: *Человек видит дом* и *Человеку видится дом*. В некоторых контекстах эти предложения могут быть синонимами, в других второе из них может быть иллюзорным, оно может иметь значение "Человеку кажется, что он видит дом". Аналогичны примеры с глаголами *слышать — слышаться*: *Человек слышит песню — Человеку слышится песня*. Глагол же *любить* с возвратной частицей имеет

совершенно другое значение — "желание любить": *Люби, куда любитесь, встречай, пока встречается*. Этим он отличается от других глаголов чувственного восприятия и приближается к основной массе переходных глаголов, которые с частицей *-ся* выражают склонность, желание, настроение, настроенность на что-то: *Пиши, как пишется* (т.е., как тебе нравится, как хочется, не считаясь с чужим мнением); *Играй, пока играет* (т.е., пока тебе хочется играть, пока есть желание участвовать в игре). И т. д. Следует отметить, что формы на *-ся*, выражающие желание, склонность, предрасположение к чему-либо, употребляются чаще всего в предложениях, где уже этот же глагол появился, причем обычно в императиве. Они появляются и в другом типе предложений, являясь обычно ответом на вопросы типа: *Долго ли будешь играть? — Пока играет*.

Некоторые глаголы чувственного восприятия вовсе не образуют форм на *-ся*: *уважать, ненавидеть* и нек. др. Это специфические глаголы в большой группе глаголов чувственного восприятия, они выражают реляцию. Можно предположить, что ограничителем в их словообразовательной парадигме является их лексическое значение — уважение, как и ненависть относятся к неконтролируемым эмоциям, не подчиняющимся желанию, намерению, склонности и др. под.

Семантическое поведение возвратного постфикса *-ся* является одним из примеров полисемантической аффиксов в современном русском языке. А полисемантическую любого морфологического компонента является предпосылкой для возникновения исключений различного типа. Как показывает материал, количество исключений в русском языке слишком велико и отличаются они неоднородным характером. При этом абсолютно недвусмысленно выясняется, что не всегда бывает легко и просто определить уровень, на котором данное языковое образование является исключением. Однако, не подлежит сомнению тот факт, что языковая система стремится, с одной стороны, к избыточности, а, с другой, страдает недостаточностью. Это несовершенство системы, порождающее условия для возникновения антисистемных процессов, выявляет необходимость в более углубленном теоретическом осмыслении вопроса об исключениях не только в рамках русского языка, но также в любом другом живом языке.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ У. Чейф. Значение и структура языка. Пер. с англ. М., 1975.

² В. Звегинцев. Язык и лингвистическая теория. М., 1973.

³ Е. Галкина-Федорук. Безличные предложения в современном русском языке. М., 1958.

⁴ В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. III. С.-Петербург — Москва, 1882.

⁵ Русская грамматика. Т. I — II. Под ред. Н. Шведовой и др. М., 1982.

⁶ В. Виноградов. Русский язык. Грамматическое учение о слове. Изд. II. М., 1972.